

Вечер того дня, несмотря на то, что Амелия и Тонкс не успели разобраться со всеми воспоминаниями, переданными Гарри, оказался богатым на события. Амелия посчитала, что у нее уже достаточно доказательств для начала судебного процесса над всеми арестованными. И, используя свои полномочия директора ОМП, она объявила о созыве экстренного заседания Визенгамота. — Это была одна из немногих причин, по которым я могла объявить официальный созыв, — прошептала она, едва заметно усмехаясь. Из воспоминаний, особенно из первых, она поняла, как Гарри создал иллюзию интерактивности пенсива. Конечно, это было всего лишь умелое создание видимости, но, тем не менее, — "Умный мальчик!" — подумала она, невольно восхищаясь его изобретательностью. — "Это был отличный театр". Разумеется, арест действующего министра магии и предъявленные ему обвинения должны были быть включены в сообщение о созыве. Но Амелия понимала, что шоком эта новость станет лишь для небольшого числа членов Совета. Вряд ли найдется много тех, кто не был в курсе происходящего: отчеты WWN, слухи, шпионы... В том числе и ее собственный отдел. Именно в этот момент, когда Амелия и Тонкс делали краткий перерыв, в кабинет министра ворвалась Долорес Амбридж, его "любимица", заместитель министра. Не дав Амелии и слова сказать, маленькая женщина начала шантажировать ее, выдвигая требования и угрозы. — Немедленно отзовите все обвинения и освободите "Корнелиуса", — требовала она, — иначе те авроры, которые "превысили свои полномочия", вскоре "займут его место в этой камере". Амелия выслушала её первое пространное требование, прежде чем, проигнорировав его, повернулась к открытой двери и рявкнула: — Кто-нибудь, пожалуйста, войдите сюда и выведите эту суку из моего кабинета? Амбридж, ошарашенная таким публичным оскорблением, застыла, не в силах произнести ни слова. Лишь спустя несколько мгновений, неуверенно переступив порог, в кабинет вошел старший аврор Кингсли Шеклболт. — Шеклболт, убери эту... — Амелия, коротко кивнув в сторону Амбридж, закончила фразу: — ...к черту из моего кабинета! Если она издаст хоть один звук до того, как вы выставите её задницу за дверь, вы должны немедленно бросить эту задницу в камеру и предъявить ей обвинение в намеренном вмешательстве в расследование ОМП! — Да, мэм! — огрызнулся Шеклболт, решительно шагнул к Амбридж, крепко схватил ее за руку и с силой потащил из кабинета. Амбридж, все еще ошеломленная происходящим, не произнесла ни звука и была выведена из кабинета. Больше она не возвращалась. * * * В тот же день, ранним вечером, был освобожден и Корнелиус Фадж. Ему были сделаны те же предупреждения о попытке бегства из страны и приказано вернуться домой и оставаться там до суда. Он находился под домашним арестом. Психически избитый, он не пытался возражать. Вместо этого, он сделал то, что ему было сказано, и отправился прямо домой, воспользовавшись Летучим порохом в аврорском бункере, как только ему разрешили это сделать. У него пока не было желания выходить в "общественные" места здания Министерства. Летучий порох только что вошел в гостеприимный зал официальной резиденции министра — одно из главных преимуществ работы — когда перед ним возникла Амбридж, которая, судя по всему, ждала его. — О, Корнелиус! — промурлыкала она, ковыляя к нему с развешивающимися руками. — Я пыталась умолять эту ужасную женщину Боунс освободить тебя... Поначалу Фадж был потрясен тем, что перед ним женщина. Но по мере того, как она говорила, он начал терять самообладание. Прервав ее, он рявкнул: — Почему вы находитесь в моем доме? Вздвогнув от неожиданности, Амбридж уставилась на него. — Но, Корнелиус! — Как вы смеете входить без моего разрешения! Убирайтесь! — Он зарычал: — Убирайтесь из моего дома! Лишь на секунду замешкавшись из-за шока, вызванного криком её "любимого" министра, она, наконец, поспешила обойти его и направиться к камину, держась на расстоянии вытянутой руки. Летучий порох, последний удивлённый взгляд на всё ещё разъярённого Фаджа, и она скрылась из виду. Как только она ушла, Фадж, казалось, почти сдулся на месте. Он понимал, что ему не следовало так на неё кричать, но её появление в его доме без приглашения очень раздражало его. Казалось, что ей совершенно наплевать на его личную жизнь. Он постоял, размышляя об этом, еще несколько секунд, прежде чем подошел к журналу регистрации и вычеркнул ее имя из списка тех, кого автоматически пропускают через палаты.

Перед тем как убрать книгу, он решил очистить ее от всех разрешенных ведьм и волшебников. При этом он вычеркнул ещё несколько имён, включая Люциуса Малфоя и Альбуса Дамблдора. Никто, кроме него самого, не мог быть автоматически пропущен. Он и не подозревал, что тем самым спас свою жизнь. Положив книгу для записей в потайную нишу, он вернулся к своему столу, достал свежий лист пергамента, перо и чернила, вздохнул и начал писать заявление об отставке с поста Министра магии. Либо так, либо подождать всего день-два, и его вышвырнут с должности. В этом он не сомневался. Как только он закончил писать заявление об отставке и отправил его своим - теперь уже "бывшим" - сотрудникам, он приказал эльфам министерской резиденции начать паковать его личные вещи и перевозить их в его тайное "убежище" на острове Манн. * * * Гарри нашел время, чтобы объяснить Гермионе симбиотические отношения между ведьмами, волшебниками и домовыми эльфами, но она, как он и ожидал, все равно пришла к ложному выводу, что они - рабы. Как только их серьезный спор на время прекратился, к ним вскоре присоединилась Флер Делакур, чемпионка Боксбатона и, как узнал Гарри, Веела. — Месье Потье, — сказала она, привлекая внимание Гарри и Гермионы. Подняв голову, Гарри, довольный тем, что его прервали, спросил: — Да, мадемуазель Делакур? Она жестом указала на место напротив и спросила: — Можно? — Конечно, — немедленно ответил он. — С моей стороны было невежливо не предложить вам присесть. Когда ведьма из Босбатона, Флёр Делакур, грациозно опустилась на скамью напротив Гарри, он учтиво поинтересовался: — Чем могу быть полезен, мадемуазель Делакур? — Ну, — ухмыльнулась она, — не могли бы вы сначала представить своего друга? Флёр кивнула в сторону Гермионы, которая, казалось, слегка нахмурилась. — Мои извинения, — поспешил извиниться Гарри. — Мадемуазель Делакур, это мисс Гермиона Грейнджер. Затем, повернувшись к Гермионе, он добавил: — Гермиона, это мадемуазель Флёр Делакур. Протянув руку для рукопожатия, Флёр сказала: — Пожалуйста, зовите меня Флёр. — Гермиона, — ответила Гермиона, отрывисто пожав протянутую руку. Она с трудом скрывала раздражение от того, что их разговор с Гарри был прерван. Флёр, привыкшая к манерам некоторых ведьм, не принадлежащих к Вееле, предпочла проигнорировать это. — Спасибо, — ответила она, обращаясь к Гарри. — А теперь, мистер Поттер... — Гарри, — твердо прервал ее Гарри. — Тогда Арри, — сказала она, слегка кивнув. — И, пожалуйста, зовите меня Флёр. Гарри кивнул в ответ. — Арри, я пришла принести тебе извинения, — сказала она. — Вообще-то, два извинения. — О? — настороженно спросил он. — Да, — ответила она. — Я должна извиниться перед вами за ту ночь, когда ваше имя появилось в Беседке Огненного Воздуха. Я сделала... пренебрежительное? Да, пренебрежительное — замечание о том, что вы были совсем маленьким мальчиком. Это было невежливо с моей стороны и неуместно. За это я прошу прощения. — И, во-вторых, — сказала она, прервав Гарри, прежде чем он успел ответить, — я также должна извиниться перед тобой за сегодняшний день. Я изначально считала, что ваш способ... получить яйцо и выполнить задание был прямым... оскорблением нас, чемпионов Оззера. Теперь я знаю, что это не так. За это я тоже прошу прощения. Гарри выслушал ее и задумался, прежде чем ответить. Настоящий Гарри не был таким "коленипреклонённым", как тот, которого он играл до сих пор. И теперь он должен был помнить, что не должен быть тем "ложным" Гарри, которого он так долго играл. В конце концов, он кивнул и сказал: — Оба извинения принимаются в том духе, в котором они были принесены, мисс Делакур. Она на мгновение замешкалась, ожидая, что Гарри скажет что-то еще. Но когда он этого не сделал, она слегка кивнула и сказала: — Спасибо. Она снова заколебалась, прежде чем добавить: — Надеюсь, что теперь вы будете считать меня другом. — Если хотите, — ответил он. Она снова заколебалась и сказала: — Я провожу вас к вашей трапезе. Затем она поднялась, переступила через сиденье скамьи и направилась к столу Рейвенкло. Как только она покинула пределы слышимости, Гермиона тихо сказала: — Ты мог бы пригласить её присоединиться к нам, знаешь ли. — Да, мог бы, — ответил он. — Однако то, что она извинилась, еще не означает, что я простил ее за ее высказывания. Дай мне хотя бы день, чтобы смириться с этим, хорошо? Гермиона кивнула и сказала: — Хорошо, Гарри. Теперь об этих домовых эльфах... — Гермиона, — твердо прервал он ее. — Очевидно, что мои

объяснения о взаимоотношениях между домовыми эльфами и волшебниками до тебя не доходят. Ты должна либо принять то, что я тебе сказал, и бросить это дело, либо принять свой обычный образ действий — пойти в библиотеку и взять пару книг на эту тему. Сколько бы вы ни пытались убедить меня в том, что домовые эльфы — рабы, вам это не удастся, потому что я знаю, что это не так. Поэтому я считаю, что с этой темой покончено. Хотя вначале она отшатнулась в шоке от того, что Гарри прервал ее, она собралась с силами и сказала: — Хорошо, Гарри. Я могу это сделать. А когда я узнаю, что домовые эльфы действительно являются рабами? Гарри разочарованно вздохнул и сказал: — Поскольку я знаю, что вы этого не узнаете, ваш вопрос спорный. Оставьте ли вы его, когда узнаете, что я прав? Она печально ответила: — Я не знаю. — Тогда я облегчу тебе задачу, Гермиона, — твёрдо сказал он. — Я не позволю тебе продолжать "бить меня в лоб" по любому поводу. В том числе и по поводу твоего ошибочного мнения о статусе домовых эльфов. Если ты и дальше будешь говорить об этом, то поставишь под угрозу нашу дружбу. Когда Гермиона, казалось, была шокирована его словами, он продолжил: — Запомни, Гермиона, тот Гарри, которого, как ты думала, ты знаешь, был лишь ролью, которую я играл, чтобы скрыть, кто я есть на самом деле. Поскольку в этом больше нет необходимости, я больше не буду играть эту роль. Ты должна понять и принять это. "Мне" — то есть настоящему Гарри — ты нравишься, когда ты не пытаешься заставить меня выполнять твои часто необоснованные требования. Вам нужно понять, нравится ли вам настоящий Гарри. И смириться с этим, если нет. Гермиона крепко задумалась, прежде чем тихо, даже кротко, спросить: — Вы думаете, мне понравится настоящий Гарри? — Если ты сможешь в какой-то мере сдерживать свои требования к нему, то да, — ответил он. — Это зависит от тебя. Она вздохнула и кивнула в ответ. Она надеялась, что настоящий Гарри — это тот, кто ей действительно нравится. Она не представляла, что будет делать, если он окажется не таким. Она знала, что в противном случае Хогвартс превратится в одинокое существование.